

№ 51102497 1417, 20 мая 1978, № 270

С ЛЮБОВЬЮ К ЖИЗНИ

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советского театрального искусства и в связи с 50-летием со дня рождения Михаил Александрович Ульянов награжден орденом Октябрьской Революции.

Сегодня читателям «Труда» о своем товарище по искусству рассказывает народная артистка СССР Юлия БОРИСОВА.

Актеры театра имени Вахтангова не похожи друг на друга. Если их сравнивать с явлениями природы, то один — выюга, другой — зной... Когда они начинают работать, на первых репетициях кажется, что они говорят на языках различных племен, — объединяет их только эмоциональный накал. Но когда — уже после премьеры — вспомнишь эти споры, всегда сожалеешь, что они так и останутся «кухней театра», эти блистательные споры художников, совместный поиск гармонии, истины.

В искусстве всегда сложно с выводами, ибо жизненные проблемы не однозначны, у каждого свое видение мира, а художник прежде всего стремится быть нужным людям именно сегодня...

Но если несовместимы день и ночь, то свет и тень на полотне художника дают поразительные результаты. Если соединить скрипку и гитару, да еще орфеевское звучание голоса Козловского, — где найти слова, чтобы определить чудо звучания «Я встретил вас...»

Лучшие спектакли вахтанговцев — это гармоническое соединение всех компонентов, которые в итоге называют театром. Нет сопровитвления между режиссерским замыслом и игрой актеров. Нет премьеров — есть ансамбль. За каждой ролью — судьба. Но в этой гармонии все же особое звучание принадлежит голосу Михаила Ульянова.

Безмерная, бездонная любовь у Ульянова к театру. Любопытен, любознателен, неожидан до бесконечности. В жизни часто кажется суровым, сдержанным, но в какие-то минуты, когда люди нуждаются в участии, открывает в своей душе такую мягкость, лиричность, нежность, что только диву даешься.

Он любит мерить землю ногами. Куда бы ни приезжал театр, будь то у нас в стране или за рубежом, едва оставив чемодан в гостинице, неторопливо, заложив руки за спину, отправляется Ульянов путешествовать. Музеи, архитектурные памятники, прелесть площадей, улиц, фонтанов — ничего не остается без внимания.

— Замеча-а-а-тельно, — тянет нараспев Ульянов. Или — если во-сторга не разделяют: «Э-эх, ничего вы не понимаете».

Страдает от праздности. Отдыхать, в обычном понимании этого слова, не умеет, не хочет, не может. Нет ни дня, ни часа без работы — это его воздух, этим он живет. Вечный тренаж.

Безразличность Ульянову незнакома. Чуток к людям. Со всех сторон бегут с бедой к Михаилу Александровичу.

Упорен и работоспособен до невероятности. Человек бешеного ритма. Сам горит и не дает рядом с собой тлеть — ни в жизни, ни на сцене.

На сцене, на киноэкране не ко-

пирует, не фотографирует жизнь — это не автоматическое ее повторение, это живое, а не мертвое искусство. В каждом образе — плод тяжелых ульяновских раздумий над природой бытия, его боль, его отчаяние, его радость... Знает жизнь не по рассказам, не из произведений искусства — сам бьется об ее углы. В мелочах видит большое, в повседневном — исключительное. Ничего не проходит мимо Ульянова, все ранит его. Его образы — образы глубоких обобщений.

Образы, созданные им, расширяют наши знания, наши чувства. Он стучит в сердце и разум. Его эмоциональность, темперамент заставляют зрителей сопереживать, размышлять, думать...

Точны рисунки ролей. Ясно и четко расставляет Ульянов акценты, по которым легко прочитывается его актерская и человеческая позиция. Его роли — это суть произведения, сущность образа...

Трудно и радостно работать с Ульяновым. Он, как магнит, тянет из души партнера то, о чем он, партнер, и не догадывался. Вся жизнь мы играем на одной сцене, и кажется, многое уже можно в нем угадать. Нет, не получается...

То, что начал Ульянов в «Дне-деньском», он блистательно разрешил во «Фронте». Гиперболизм, острота, ярчайшая характерность. Настолько новая ступень в его творчестве, что кажется — все это у Ульянова вот-вот превратится в шарж, в фарс... Однако и походка, и жест, и речь, и танец при всей их резкой остроте точно конкретны. Как блестящий эквилибрист, уверенно балансирует Ульянов, не лишая свой образ психологической правды.

Друянов в «Дне-деньском», Горлов во «Фронте», Ричард III, Гайдай в «Гибели эскадры» — совсем различные образы, но что-то новое, непохожее на раньше сделанное, объединяет их. Акценты, расставляемые Ульяновым в этих ролях, дают возможность предположить, что волнуется Ульянов сегодня.

Сейчас он на высшей ступени мастерства. На какую еще вершину оно его забросит, какой новый пик будет завоеван — сказать трудно. Ульянов борется со сцены за жизнь, но не за жизнь вообще, а определенную, осмысленную. Ищет этот смысл, утверждает, раздвигая рамки привычного, обыденного. Нет, не исчерпал себя этот актер. Он жив, он могуч и несгибаемо упрям в достижении цели.

И сегодня в его праздник, его юбилей пятидесятилетия я хочу, чтобы еще долго-долго ему можно было бы адресовать фразу Вальки из «Иркутской истории» Алексея Арбузова: «Я тебя очень люблю... а знаешь за что? Я тебя все узнаю, узнаю и все узнать никак не могу...»